

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра теоретической и социальной философии

Понятие пространства в философии В.В.Бибихина

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

студента 2 курса 213 группы направления 47.04.01 Философия (профиль
«История философии») философского факультета Смиренниковой Елены
Сергеевны

Научный руководитель
профессор кафедры теоретической и
социальной философии
доктор философских наук, доцент

С.М. Малкина

Заведующий кафедрой
доктор философских наук, профессор _____

В.Б. Устьянцев

Саратов 2020

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Потребность в осмыслении пространства обусловленная повседневными проблемами обитаемых территорий, в особенности городов, заставляет архитекторов, градостроителей, урбанистов серьезно задумываться о теоретических основаниях понимания пространства, свойства которого не ограничиваются протяженностью, а значит, обращаться к онтологическому аспекту вопроса, который во многом остается неисследованным. Важным и интересным здесь является осмысление пространства и пространственности в философии Владимира Вениаминовича Бибихина.

Степень разработанности проблемы. Философии В.В.Бибихина в целом посвящены рецензии и статьи, собранные на сайте, специально посвященном В.В. Бибихину (Bibikhin.ru), материалы круглого стола, посвященного Бибихину, опубликованные в электронном философском журнале «Vox» (2014, вып.17), студенческие статьи и выпуск журнала Stasis №1, 2015. Также его наследию были посвящены: «бибихинские штудии» (2015, 2016 гг. Студеный овраг, Самара), Международная конференция (2013, СПб), круглый стол (2018 г., Институт философии РАН), мемориальные чтения памяти Владимира Бибихина (1—2 ноября 2019 г., г.Бежецк, Тверская область). В 2020 году журнал «Философия. Журнал Высшей школы экономики» готовит тематический номер, посвященный осмыслению вклада Владимира Вениаминовича Бибихина в русскую философию и культуру и актуальности его наследия.

Однако на данный момент нам не удалось обнаружить работ, затрагивающих вопрос пространства у Бибихина, кроме текстов автора этого исследования.

Объект исследования: пространство в философии В.В.Бибихина.

Предмет исследования: историко-философская герменевтика понятия пространства в философии В.В.Бибихина.

Цель исследования: исследовать представление о пространстве (месте) у В.В.Бибихина.

Задачи исследования: выявить возможный способ историко-философского исследования философии В.В. Бибихина; исследовать понятийный ряд, раскрывающий пространство в качестве хоры; исследовать понятийный ряд, характеризующий пространство как простираение; исследовать пространственность через понятие отстранения.

Методы исследования: сравнительный анализ, основы феноменологического и герменевтического методов, элементы логического анализа.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней: впервые рассматриваются вопросы пространства в философии В.В.Бибихина; два перевода В.В.Бибихина рассматриваются как его оригинальные тексты и эта позиция обосновывается; через рассмотрение темы пространства раскрываются другие аспекты философии В.В.Бибихина; разворачиваются новые стороны онтологии пространства в целом.

Положения, выносимые на защиту:

Пространственные линии мысли В.В. Бибихина мы находим отраженными в языке философа. Они следующие: отстраненность — странность — распространение — простираение — простор — страна — сторона; место — местность — вмещение — уместность; допускание — впускание — пустить — пустота.

Пространство для В.В.Бибихина не является нейтральным, однородным и безразличным. Оно плотно связано, с одной стороны, с бибихинским пониманием другого, гераклитовской мудрости-софии, кантовской «вещи в себе», с другой — с вещами явленными и их необходимым задвоением, раздвоением. Пространство уместно для явлений бытия, дает им явиться и —

пространство обусловлено, основано на недоступности собственного, собственности в ее бибихинском понимании.

Важное место в теме пространственности принадлежит человеческому присутствию, человеку, который может действовать как занятый или захваченный, допускающий или планирующий, готовый к событию здесь и сейчас или в запредельном времени и пространстве.

Структура работы вытекает из логики решения поставленных задач, работа состоит из 4 глав.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Подходы к интерпретации текстов В.В.Бибихина» рассматриваются подходы к интерпретации текстов В.В.Бибихина, также выбирается ход рассмотрения вопроса.

При чтении статей, переводов, курсов лекций В.В. Бибихина может показаться, что он старается «разъяснить» аудитории мысли философов, которых рассматривает в тексте. Однако при внимательном прочтении становится заметно, что Бибихин не «разъясняет» их, а открывает заново, перепродумывает. Исходя из этого задается вопрос: как отделить философию Бибихина от философии тех, кого он читает? В качестве ответа на этот вопрос берется видение самого Бибихина: настоящее понимание чьей-либо философии тождественно созданию своей. Кроме того, он в своих текстах прямо заявляет, что он будет читать других философов своими глазами. Отталкиваясь от такого понимания, и рассматриваются тексты философа в данной работе.

Отдельное обоснование дается тому, что переводы доклада М.Хайдеггера «Время и бытие» и статьи «Искусство и пространство» рассматриваются как оригинальные тексты В.В.Бибихина. Право на такое понимание переводов основывается на нескольких моментах. Первый — это собственное исследование этих переводов, проведенное автором выпускной квалификационной работы: сравнительный анализ данных текстов с немецким

оригиналом и в первом случае «Времени и бытия» с переводом Солодовниковой. Вторым основанием является мнение исследователей наследия философа о том, что его переводы являются самостоятельными текстами. Третьим обоснованием становится позиция самого Бибихина, продекларированная им в статьях о переводе: «К проблеме определения сущности перевода» и «К переводу классических текстов»: перевод есть тот же самый оригинал, только отлитый в другую частную форму и продолжающий жить в этой своей новой форме ибо сам текст — уже перевод изначального смысла, высказывание его конкретным языком.

В качестве хода рассмотрения вопроса пространства выбирается исследование следующей цитаты из курса «Собственность»: «...нас задевает, в нас вдвигается отстраненное софии (не удастся перевести гераклитовское κεύθωρισιμένον; в его корне χώρα, «страна, земля», у Платона — «пространство, место»; современность стала то, что у Платона было этим словом, обозначать другим греческим словом, которое при Платоне для этой цели не применялось, *τοπος*. *Топология* проблема современной науки; основываясь на том, что Хайдеггер по крайней мере иногда говорил о топологии в том смысле, что бытие *имеет место* в двух направлениях, оно уместно и только оно всегда и безусловно уместно, и из него разворачиваются места)...».

Во второй главе «Пространство как хора: страна, земля, возможность» пространство рассматривается как хора: страна, земля, возможность. Хора — пространство-место — появляется из и благодаря отстраненности софии, κεύθωρισιμένον. Но и отстраненная софия именно своей отделенностью, отстраненностью постоянно указывает на себя, присутствует своим отсутствием. Бибихин предлагает нам услышать единый корень — а значит, связанность — странности, от-страненности, страны, про-странства, распро-странения, сторон. Здесь появляется еще одна тема — тема задвоения, раздвоения.

Пространство как хора явно не однородное, бесконечное и нейтральное.

Слова *χώρα* и *τόπος* для Бибихина синонимичны. С таким — греческим — пониманием пространства всяко понятие *δύναμις*, которое Бибихин предлагает увидеть как силу-возможность. Сила-возможность (*δύναμις*) противостоит энергии-действительности-полноте-осуществленности (*ενέργεια*). Энергия раньше силы-возможности, вмещает ее, но и сила-возможность стремится к осуществленности, полноте, завершенности — энтелехии, которую Бибихин называет другим именем для энергии. Дюнамис, сила-возможность — это начало изменения. Бибихин обращает внимание на два вида дюнамис: страдание, допущение (глина поддается изменению формы) и сопротивление, недопущение, устоячивость. Два этих вида показывают одну сторону изменения — ту, по которой мы узнаем его. Другая сторона изменения — действующая.

Сила-возможность тянется к осуществлению, но не к любому, а к тому, чтобы вышло красиво, ладно, как должно. Цель, *τέλος* — это еще и *πέρας*: окончание, осуществление, исполнение, но и край, предел, граница. Здесь появляется тема границы — еще одна тема, связанная с местом и пространством.

В хоре-пространстве Бибихин видит страну и землю. Это коррелирует и со словарными значениями. Хора в значении земли — это сельскохозяйственная территория вокруг полиса. Такая хора — это земля, которая должна быть вспахана, истолкована земледельцем. Такое обращение с землей возвращает ей то, чем она была по своему существу. Бибихин приводит пример с разбивкой сада. Разбить сад — значит, вернуть земле то, что ей принадлежит, вслушиваясь, вникая в то, что она в своей наиболее естественной возможности уже есть.

Третья глава «Пространство как простираие: освобождение, допускание, уместность» рассматривает топологию Хайдеггера с точки зрения Бибихина. В топологии Хайдеггера Бибихин обращает внимание на то, что: бытие имеет место; оно всегда и безусловно уместно; из него

развертываются места. В качестве рассматриваемых текстов в этой главе выступают бибихинские переводы доклада Хайдеггера «Время и бытие» и его статьи «Искусство и пространство». Для сравнения и разделения мысли двух философов привлекаются немецкие тексты статей, доклад Хайдеггера «Строить, обитать, мыслить» и перевод «Времени и бытия», сделанный А. С. Солодовниковой.

Для Хайдеггера пространство — нечто расчищенное, освобожденное. Здесь же тема границы как того, из чего нечто начинает свое существование. Пространства высвобождают места и от мест получают свою сущность. Места (и пространство) осуществляются через допускание и устроение. Бибихин при переводе осмысляет это через соотношения пространство—простираемое—простор, место—местность—вмещение, допускание—впускание—пустить—пустота. Разговор о допускании возвращает разговор о возможности. Глядя на допускание и устроение через доклад «Строить, обитать, мыслить», можно увидеть их через два способа строить: ухаживать, сохранять и сооружать, возводить, конструировать.

Место для Хайдеггера — это вещь, но вещь особого сорта. Место собирает четверицу: землю и небо, божественное и смертных. Четверица Хайдеггера для Бибихина — это четверица мира, но не его схема. Описание уместности бытия в докладе «Строить жить мыслить», можно обнаружить во фрагменте про устройство крестьянского подворья в Шварцвальде: места обитания человека выстраиваются тем, как устроен его быт.

При переводе «Времени и бытия» Бибихин-переводчик с первых же страниц вводит Место, которое у Хайдеггера появляется только в середине текста. Замена хайдеггеровского немецкого *Es gibt* на русское «имеет место» последовательно развивается далее. *Es gibt* у Хайдеггера развивается в разговор о давании, даре, дающем, послании судьбы, «имение места» у Бибихина переходит в осмысление вмещения, допускания и уместности бытия.

Уместность бытия обусловлена способностью места вместить «что угодно». Основание для пространства как «все вмещающей рамки» Биbihин находит, рассматривая кантовскую «вещь в себе»: оно в том, что «вещь в себе» нам прочно, абсолютно, надежно недоступна; уходя от нас, она выбрасывает пространство, в котором могут появиться вещи «не в себе», в несобственном.

Возможность появления «чего угодно» делает сложным допущение, как способ действия. Допустить, оставить вещь быть так, как она сбудется, позволить вещи быть. При этом именно явленное «что угодно», несобственное вещи и отсылает нас к ней собственной, указывает на нее.

В четвертой главе «Пространство как отстраненное — граница, раздвоение, захват» пространство рассматривается через биbihинское видение гераклитовского $\kappa\epsilon\chi\omega\rho\iota\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu$, отстраненного, отделенного. Биbihин переводит это слово по-разному, акцентируя то на отдельность, недоступность, то на страну, про-странство, $\chi\acute{o}\rho\alpha$, спрятанную в $\kappa\epsilon\text{-}\chi\omega\rho\iota\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu$. Подход к отстраненному софии Биbihин начинает с рассмотрения огненного логоса, молнии Гераклита. Правящая молния, молниеносный захват захватывает человека и тем самым освобождает. Можно предположить, что освобождает также, как хайцдеггеровская граница — отсекая все лишнее.

Золото огненного логоса обменивается на вещи: вещи изъясняют логос, божественную молнию. Этот обмен логоса на вещи проходит через людей: человек изъясняет молнию своими действиями, поступками. Но и обмен вещей на золото проходит через людей, при этом вещь не становится отвлеченным смыслом, получение вместо вещи знанием о ней; обмен вещи на логос, на огонь, совершен, когда вещь позволит себя увидеть в несводимой странности, когда она становится сплошным вопросом. Сам Логос, окончательный смысл мира остается неуловимым, вновь ускользнувшим, он от всего отделен; софия, мудрость мира, отстранена. Это отсутствие логоса и есть способ его присутствия. Отстраненное — другое. Биbihин предлагает нам увидеть другое

не как находящееся за границей, а как непрестанно обновляющуюся границу, черту, отсутствующую по способу сущего, но тем сильнее захватывающую нас.

Другое каждый раз проявляется как новое — небывалое. Человек может допустить новое — отдаться его захвату. Противоположный способ действий: спланировать. Но в запланированном не может появиться новое, только очередное. Отдавшись же захвату, человек и сам становится другим, меняется мыслью. Перемена мысли, видения не обещает, что, если повезет, тайна, истина, софия, «вещь в себе» попадет нам в руки, «вещь в себе» остается неприступной, но вещь, которая не в себе, вне себя для измененного зрения, в свете другом, меняется. Ответ молнии, другого на эту открытость без надежды — щедрость. Новое будет дано еще и еще, но «отстраненное», открываясь нам новым, позволяет в нем узнать то самое. То самое — другое, софию, молнию-логос, но и то самое — себя самого, свое собственное, самость. Сам способ — расстаться с самим собой и обрести себя нового, непривычного, другого — заставляет идти к себе, узнать в другом себя настоящего.

Самость, собственное вещей — в недоступном, в «вещи в себе», в софии мира, которая *κεχωρισμένον*, отдельна, отделена. Бибахин уточняет: отделена пространством. Отстраненное рас-пространяется про-странством, страной, странностью. София-странность разворачивает из себя пространства и — остается отделенной, отдаленной. Распространяясь, разворачивая пространства, странность создает тем самым и стороны: правое-левое, верх-низ — все раздваивается. Удвоение, раздвоение, расслоение, парность преследует вещи: вещь-слово, мужское-женское, день-ночь. Раздвоенное, расщепленное на полюса уже не складывается в единое, нельзя восстановить целое. Но именно в ситуации максимального раздвоения другое становится наиболее явным — возможно, потому, что она присутствует своим отсутствием наиболее ярко как раз тогда, когда ее отсутствие становится кричащим. Способ существования «собственного» — это несобственное.

В **заключении** подводятся итоги работы. При рассмотрении темы места и пространства в философии В.В.Бибихина выяснилось, что как лекционные курсы, так и переводы можно считать оригинальными текстами философа, дающими нам представление о его мысли, в том числе посвященной пространству.

В процессе исследования было выявлено, что взглянуть на пространство в философии Бибихина можно с нескольких ракурсов. Во-первых, оно понимается им как страна, земля, хора. Этот ракурс выводит нас к античному пониманию пространства, а также к теме места как возможности.

Во-вторых, пространство в ракурсе места выводит к темам уместности бытия и допусканию как способу иметь дело с ним. Эти темы высвечиваются в частности в переводах Бибихина, в которых он, сохраняя и комментируя мысль, изложенную в тексте на другом языке, смещает акценты и тем самым перенаправляет внимание читателя.

В-третьих, пространство рассматривается в ракурсе распространившегося другого, нам недоступного. В этом ракурсе нам раскрывается контекст бибихинского понимания пространства, а также его роль в отношениях другого и явленных вещей.

Тема места и пространства является важной для понимания философии В.В.Бибихина. Пространство для В.В.Бибихина не является нейтральным, однородным и безразличным. Оно плотно связано, с одной стороны, с бибихинским пониманием другого, гераклитовской мудрости-софии, кантовской «вещи в себе», с другой — с вещами явленными и необходимым задвоением, раздвоением явленного. Пространство уместно для явлений бытия, дает им явиться и — пространство обусловлено, основано на недоступности собственного, собственности в ее бибихинском понимании.

Важное место в теме пространственности принадлежит человеческому присутствию, человеку, который может действовать как занятый или

захваченный, допускающий или планирующий, готовый к событию здесь и сейчас или в запредельном времени и пространстве.

Линии мысли в отношении пространственности мы находим и отраженными в языке Бибихина. В качестве примеров можно указать следующие:

— отстраненность — странность — распространение — простираение — простор — страна — сторона;

— место — местность — вмещение — уместность;

— допускание — впускание — пустить — пустота.

Настоящее исследование раскрывает новые перспективы как для теоретиков пространства, в том числе изучающих вопрос в нефилософских исследованиях, так и для исследователей мысли В.В.Бибихина, позволяя увидеть ее новые стороны. Также данное исследование указывает перспективы для рассмотрения всей истории понимания пространства в западно-европейской философии.

